

Его принесли. Из-под смеженных век
слезами стекал чуть подтаявший снег.
Нашли на дороге, что к церкви вела,
на кромке когда-то большого села.
Он, руки раскинув, как птица лежал,
что в небе убита была наповал
в преддверье Крещенья, в сквозном январе,
и, крылья раскинув, прижалась к земле...

Лежал, устремлённый лицом в небеса.
Возможно, он слышал с небес голоса,
лежал неживой, но как будто смотрел,
как будто увидеть там что-то хотел,
увидеть, запомнить... Холодная высь
роняла снежинки неспешные вниз...

2

Приходский священник и сторож, вдвоём –
два старца – его дотащили, потом
он в церкви лежал как распятый Христос:
так, будто к кресту он навечно прирос...
Раскаянье позднее? Смертный кураж?
Снег стёрли с лица и сказали: «Не наш».
А руки никак не ложились на грудь...
И сторож сказал: «Уж потом, как-нибудь».
Пока дожидались районных людей,
священник молитву прочел без затей,
прося у Христа за «раба твоего».
А сторож сказал: «Облегчил ты его...
Теперь бы принять во спасенье души».
Священник ответил ему: «Не спеши!»
И снова в лицо незнакомца взглянул:
как будто не умер, как будто уснул,
блестели росинки растаявших слёз...
«Такое бывает в крещенский мороз, –
всезнающий сторож устало вздохнул. –
А может и правда, всего лишь уснул?»
Себя осенив, удалились они...

3

Когда к ним районные люди вошли,
два выпивших старца дремали в тепле
в каморке при в церкви. А церковь – в селе,
стоявшем среди неоглядной тайги.
Тайга посреди безысходной тоски,
а та расплескалась повсюду, везде...
Спросили районные: «Найденный, где?»

«Да там – у порога, при входе во храм».
«Там нет никого». – «Как же нет, если там!» –
священник и сторож, на раз протрезвев,
ко входу. И правда! Чуть слышный напев
откуда-то сверху, где колокол стыл,
где снег то ли шёл, то ли по небу плыл,
где северный ветер разбойно свистел,
куда этот «найденный» путник «смотрел».
И выдохнул сторож в приезжую знать:
«Нам это умишком своим не понять.
Был. Видите – лужа крестом на полу.
А вон его шапка осталась в углу.
Свидетели – пристально смотрят с икон.
Лежал бездыханный – да вылетел вон».
«Как вылетел, старый?! Ты пьян или как?» –
районный начальник поднял свой кулак.

4

Но поп занесённый отвёл кулачок
и молвил, так, словно пред ним дурачок:
«Ты вот что, любезный, нас старых прости.
И правда – нашли мы его на пути.
Бледней мертвеца. И документов нет.
Когда бы, как прежде, здесь был сельсовет,
не стали б тревожить высокую власть...
А так, сам подумай, такая напасть...
Вокруг – никого, только я да Федор,
да за полверсты Анিকেевны двор:
сама чуть жива – только слёзы из глаз...
А этот не дышит. Вот – вызвали вас.
А он, пока ждали, оттаял слегка,
чуть дрогнуло веко, согнулась рука.
Мы подали чарку к сомкнутым устам.
Он влагу втянул. Ну, и поднялся сам.
Спасибо сказал и к иконам святым –
крестом осенился и шагом своим
отправился вон. Называться не стал.
Бог видит, всю правду я вам рассказал».

Не верить священнику – повода нет.
 Тем более в церкви, где святость и свет.
 «А может быть к егерю – поздний уж час –
 заглянем? Он баньку истопит для нас», –
 сказал полицейский в приличных чинах.
 На том и сошлись. И тотчас, на парах,
 к машине бегом, в предвкушенье утех,
 и тьму сотрясал их раскатистый смех.
 Мотор заревел – и опять тишина.
 Над церковью мёртвая встала луна.
 И звёзды повсюду. И стихла метель.
 Ни треска свечного, ни скрипа петель.
 И в этой гнетущей почти тишине
 сказал старый сторож: «Привиделось мне?
 Прислышалось, отче? Ты что здесь наплёл?
 Когда этот найденный встал и ушёл?
 Пред ликом икон так не мыслимо врать!..» –
 и рот придержал, чтоб не вспомнить про «мать».
 «Дурак ты! – ничуть не обидевшись, поп
 ладошкой толкнул Федю глупого в лоб. –
 Мы с первого класса знакомы с тобой,
 А ты всё такой же – за «правду горой».
 Ну, сам посуди: наш найдёныш исчез?
 Кругом – бездорожье да северный лес.
 Так, значит, выходит, ушёл сам собой,
 не то за удачей, не то за бедой...
 Так в чём же я, старый, ответь мне, солгал?
 Лишь в том, что я этого сам не видал?
 А что – лучше было б поведать о том,
 как выпили мы, как заснули потом,
 Чтоб стали нас после к стене прижимать?»
 Тут сторож кивнул и... пошел допивать.

Священник седой на колени упал:
 «Прости меня, Боже, Тебя я признал
 в посланнике этом, замёрзшем в пути...
 Но дьявол попутал... Всевышний, прости!

Не выжжен мой страх, не чиста моя плоть.
Ещё раз меня испытай, мой Господь,
неверного в слове раба Твоего!»

С иконы печально смотрел на него
Христос. И стужался за окнами мрак.
И кто-то во мраке сказал: «Вот, чудак».
И шорох, мерещится, крыльев больших
прошел через церковь и снова затих.

Священник с колен всё никак не встаёт,
и мнится ему: бездорожьем идёт
неведомый путник и – посох в руках,
и снег у него сединой на висках.
Но некому крикнуть: «Смотрите – вот Он!»
Спокойней молиться у древних икон:
что молча взирают, о вечном скорбя,
за грех твой и страх твой прощая тебя.